

Поваров Юрий Сергеевич

Povarov Iurii Sergeevich

кандидат юридических наук, доцент,

доцент кафедры гражданского и предпринимательского права

Самарского университета

Candidate of Law, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Civil and Business Law

of Samara University

E-mail: povus@mail.ru

УДК 347.13

**СОГЛАСИЕ НА СОВЕРШЕНИЕ СДЕЛКИ:
ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
CONSENT TO THE TRANSACTION:
DYNAMIC ASPECT**

Аннотация. Автор обозначает и раскрывает стадии разрешительной процедуры, сопряженной с дачей согласия на совершение сделки; в работе отмечается принципиальная легитимность не только централизованной, но и децентрализованной регламентации процесса согласования; обосновывается правомерность и анализируются последствия квалификации согласия в качестве сделки, требующей восприятия.

Abstract: *the author identifies and discloses the stages of the licensing procedure associated with giving consent to the transaction; the work notes the fundamental legitimacy of not only centralized, but also decentralized regulation of the approval process; justifies the legitimacy and analyzes the consequences of qualifying consent as a transaction requiring perception.*

Ключевые слова: согласие на совершение сделки; запрос согласия; децентрализованное регулирование; разумный срок; сделка, требующая восприятия.

Keywords: *consent to the transaction; request for consent; decentralized regulation; reasonable time; a transaction requiring perception.*

Согласие на совершение сделки (ст. 157.1 ГК РФ) уместно рассматривать не только в статическом аспекте, но и в динамическом срезе (на что, кстати, справедливо обращается внима-

ние в литературе [10, с. 17–22]), когда подразумевается определенным образом алгоритмизированная разрешительная процедура (согласование совершения сделки как процесс).

Стандартный «протокол» взаимодействия участников отношений согласования (который, в силу п. 1 ст. 157.1 ГК РФ, может быть «пересмотрен» законом или иным правовым актом) контурно определяется в п. 2 ст. 157.1 ГК РФ: о своей согласии либо об отказе в нем субъект дачи согласия (третье лицо, орган юридического лица или властный орган) сообщает лицу, запросившему согласие, или иному заинтересованному лицу в разумный срок после получения обращения лица, запросившего согласие. Таким образом, по обыкновению:

Во-первых, поведение субъекта дачи согласия носит реактивный, а не инициативный характер (*согласие запрашивается*, разрешительная процедура «запускается» после получения соответствующего обращения).

Во-вторых, *информация о принятом* субъектом *решении* (согласиться или отказать в согласии) *раскрывается*, причем:

а) *в разумный срок*, исчисляемый с момента получения обращения лица, запросившего согласие;

б) *адресатом* здесь *выступает* лицо, запросившее согласие, или иное *заинтересованное лицо*.

Учитывая логику сказанного, уместно выделить три последовательных **стадии согласительной процедуры** (о чем мы заявляли в других работах – см., например, [8, с. 83–84]), а именно:

- 1) направление и получение обращения (*запрос согласия*);
- 2) *рассмотрение* данного *обращения* и принятие решения по нему;
- 3) *сообщение* заинтересованному лицу *о принятом решении*.

Применительно к первому выделенному этапу встает вопрос о **юридико-фактическом статусе** и значении **обращения**. «Образцовым», напомним, является положение, в соответствии с которым запрос согласия никак не обязывает и даже не свя-

зывает участников исследуемой процедуры: лицо, запросившее согласие, вправе не совершать согласованную сделку; субъект дачи согласия может проигнорировать обращение, не объясняя мотивы отказа и т.п. (см. п. 54 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [далее – ППВС № 25]). Сверх того, наличие согласия, по большому счету, деактуализирует изучение вопроса о (не)поступлении обращения (его форме и содержании и пр.). В этой связи, невзирая на *юридический* характер запроса согласия, данное обстоятельство, по общему правилу, **не может быть признано юридическим фактом в классической трактовке**, т.е. обстоятельством, вызывающим правовые последствия в виде возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей (в частности, С.Н. Касаткин небеспочвенно относит запрос согласия к множеству не имеющих юридической формы актов деятельной активности [5, с. 73]). Попутно заметим, что несколько иное положение вещей мы наблюдаем при направлении оферты: хотя планируемый оферентом правовой результат в виде установления (изменения, прекращения) *договорных* прав и обязанностей может быть достигнут только в момент заключения договора (не ранее акцепта оферты), направление и получение оферты сами по себе порождают юридический эффект (согласно п. 2 ст. 435 ГК РФ оферта *связывает* направившее ее лицо с момента получения предложения адресатом).

Однако юридический расклад коренным образом меняется, если закон **обязывает субъекта рассмотреть обращение** (главным образом в ситуации, когда речь идет о согласовании совершения сделки властной инстанцией – органом опеки и попечительства, антимонопольным органом и т.п.). Полагаем, что подобная обязанность и последствия ее неисполнения (возмещение убытков и др.) принципиально способны к форматированию и в рамках *децентрализованной регламентации* (например, договором может быть закреплена процедура со-

гласования возможного перевода одним из контрагентов долга, возникшего из данного договора).

Выработка субъектом дачи согласия позиции (второй этап), а равно доведение ее до сведения заинтересованного лица, как прямо следует из текста гражданско-правового кодификационного акта, должны произойти в **разумный срок**. Опять же, юридическое значение данного общего предписания касает темпоральных границ согласования (закрепляемых посредством введения относительно определенного срока) – в условиях означенного отсутствия обязанности по рассмотрению запроса согласия, а также недопустимости в силу п. 4 ст. 157.1 ГК РФ, если иное не установлено законом, квалификации молчания в качестве санкционирования совершения сделки (вследствие чего особых проблем в части правильной оценки бездействия не существует) – не является весомым: когда третье лицо или орган не ответили за запрос стороны сделки в разумный срок, считается, что в даче согласия отказано, что, в свою очередь, вовсе не препятствует в дальнейшем выражению согласия (п. 54 ППВС № 25); тем самым согласие, полученное за пределами разумного срока, не является юридически ущербным.

Понятно, что норма о разумном сроке, напротив, будет играть чрезвычайно серьезную роль в случаях, когда в качестве исключения из шаблонного подхода выражение согласия (несогласия) на совершение сделки носит обязательный характер и (или) молчание приравнивается к согласию.

Повторимся, что сведения о согласии (либо об отказе в нем) сообщаются лицу, запросившему согласие, или иному **заинтересованному лицу**. Несложный анализ приведенной формулы позволяет бесспорно утверждать, что:

а) круг потенциальных адресатов **не замыкается на лице, инициировавшем разрешительную процедуру** (соответственно, имеет место «асинхронная» фиксация круга инициаторов и «потребителей» разрешительной процедуры, что само по себе отторжения не вызывает);

б) но надлежащим адресатом может считаться только лицо, **имеющее интерес** в получении согласия на совершение сделки.

Приведенным тезисам в целом корреспондирует отраженная в п. 55 ППВС № 25 и сориентированная на типичную практику установка Верховного Суда РФ на то, что согласие может быть адресовано *любому из контрагентов сделки* (любопытно, что данная мысль получила явное легальное закрепление в § 182 Германского гражданского уложения); между тем ее *нельзя трактовать ограничительно*, ибо законодатель, имея, наверное, в виду ситуативную вариативность согласования, не ставит знак равенства между заинтересованным лицом и участниками санкционируемой сделки (а потому «заинтересованным лицом, – по верному заключению А.В. Демкиной, – может выступить, например, лицо, с которым будет заключен договор на основании доверенности, на выдачу которой по закону может требоваться согласие...» [3, с. 29–30]).

Вместе с тем строго определенный круг интересантов может вытекать из законоположений (а равно в продолжение ранее выдвинутого тезиса, из правил, сформулированных в децентрализованном порядке).

В русле изложенного интересным оказывается вопрос о (не) правомерности квалификации согласия на совершение сделки как **волеизъявления, требующего восприятия** (тем более, что «...при волеизъявлениях, нуждающихся в принятии, – как точно подчеркивает Я. Шапп, – важную роль играет “горизонт адресата”» [11, с. 216]).

Вообще, дифференциация гражданско-правовых сделок на действия, требующие и не требующие восприятия лицом, к которому обращены сделочные юридические последствия, характерная для немецкой доктрины («считается, что впервые эти термины предложил Э. Цительман» [4, с. 103]), в отечественном гражданском законодательстве не имеет эксплицитного отражения (хотя, как представляется, данная рубрикация имеет теоретическую и прикладную ценность). Порою законодатель непосредственно закрепляет необходимость отправления (получения) соответствующего извещения и (или) приурочивает наступление определенных правовых последствий к моменту

такого отправления (получения): к примеру, в силу п. 1 ст. 450.1 ГК РФ при реализации лицом права на односторонний отказ от договора (исполнения договора) с момента получения контрагентом соответствующего уведомления договор прекращается (если иное не оговорено правовыми актами либо договором). Иногда же, наоборот, разбираемый коммуникативный аспект не подает в орбиту внимания законодателя в рамках специального нормирования: так, при регламентации отношений по поводу прекращения обязательства зачетом, ГК РФ ограничивается указанием на то, что для зачета достаточно заявления одной стороны (ст. 410 ГК РФ). Однако и в подобного рода ситуациях обязательность оповещения не ставится под сомнение: в частности, в приведенном выше случае с зачетом ясно, что для аннулирования обязательственно-правовой связи заявление о зачете должно быть доставлено стороне либо считаться доставленным по правилам ст. 165.1 ГК РФ (см. п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств»).

Немецкими цивилистами высказывалась позиция, в соответствии с которой согласие подпадает под режим сделки, нуждающейся в восприятии: так, в свое время Планк указывал, что «верным является толкование согласия, которое третье лицо должно дать на сделку, в качестве требующей восприятия сделки» [6, § 15]. Наиболее же рельефное освещение в науке проблема (не)рецепетивности согласия третьего лица на совершение сделки получила в приложении к согласиям, даваемым при перемене лиц в обязательстве. При этом частотным является тезис о принадлежности указанных разрешительных актов именно к волеизъявлениям, нуждающимся в восприятии, в частности, по словам Л.А. Новоселовой: «...правовые последствия выражения согласия [на уступку требования] связываются с фактом восприятия волеизъявления должника кредитором (кредиторами)» [7, с. 174]; к аналогичному мнению приходит С.Ю. Болонин, отмечая, что «для возникнове-

ния последствий необходимо, чтобы волеизъявление должника (согласие) было воспринято хотя бы одной из сторон сделки уступки» [2, с. 114].

Выведение для согласия на совершение сделки атрибута рецептивности, в полной мере согласующееся с предписаниями п. 2 ст. 157.1 ГК РФ, опосредует серьезные правовые последствия для всех участников разрешительной процедуры, так как в исследуемой «матрице» одной лишь объективации (например, посредством подписания письменного документа) разрешительного волеизъявления недостаточно – необходимым становится сообщение о согласии заинтересованному лицу (а потому, среди прочего, лицо может оформить согласие как документ, но воздержаться от его передачи либо фактически аннулировать, безусловно сохраняя тем самым за собой возможность пересмотра своей позиции до ее восприятия заинтересованным лицом). Следовательно, выражение согласия есть, как убедительно пишет В.А. Болдырев, «...не просто его фиксация в надлежащей форме, а именно трансляция в надлежащей форме надлежащим лицам» [1, с. 85].

В завершение особо подчеркнем, что исследуемое деление сделок не имеет никакого отношения к моменту непреложности изъявления воли (а в необходимых случаях – облечения волеизъявления в соответствующую форму), поскольку абсолютно очевидно, что «...проявление воли – существенный элемент сделки, отсутствие которого препятствует ее возникновению» [9, с. 113].

1. Болдырев, В.А. Согласие на совершение сделки: правовая природа и место в системе юридических фактов / В.А. Болдырев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 2. – С. 82–86.

2. Болонин, С.Ю. Особенности правотолкования при автономном индивидуально-правовом регулировании / С.Ю. Болонин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – № 2. – С. 112–116.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Сделки. Решения собраний. Представительство и доверенность. Сроки. Исковая дав-

ность. Постатейный комментарий к главам 9–12 / под ред. П.В. Крашенинникова. – Москва: Статут, 2013. – 270 с.

4. Желонкин, С.С. Сделки, требующие восприятия в контексте Постановления Пленума Верховного суда РФ от 23 июня 2015 года № 25 / С.С. Желонкин // Юридическая мысль. – 2016. – № 2 (94). – С. 102–105.

5. Касаткин, С.Н. Понятие и признаки согласия как гражданско-правовой категории / С.Н. Касаткин // Право и экономика. – 2013. – № 3. – С. 69–73.

6. Манигк, А. Развитие и критика учения о волеизъявлении / А. Манигк // Вестник гражданского права. – 2009. – № 2. – С. 231–260.

7. Новоселова, Л.А. Согласие должника на уступку требования / Л.А. Новоселова // Сделки: проблемы теории и практики: сборник статей. – Москва: Статут, 2008. – С. 165–179.

8. Поваров, Ю.С. Согласие третьего лица на совершение сделки: монография / Ю.С. Поваров. – Москва: Инфотропик Медиа, 2018. – 162 с.

9. Санфилиппо, Ч. Курс римского частного права: учебник / Ч. Санфилиппо. – Москва: Норма, 2008. – 464 с.

10. Чеговадзе, Л.А. О состоянии согласия при совершении сделки / Л.А. Чеговадзе // Юрист. – 2015. – № 18. – С. 17–22.

11. Шапп, Я. Система германского гражданского права: учебник / Шапп Я. – Москва: Международные отношения, 2006. – 360 с.